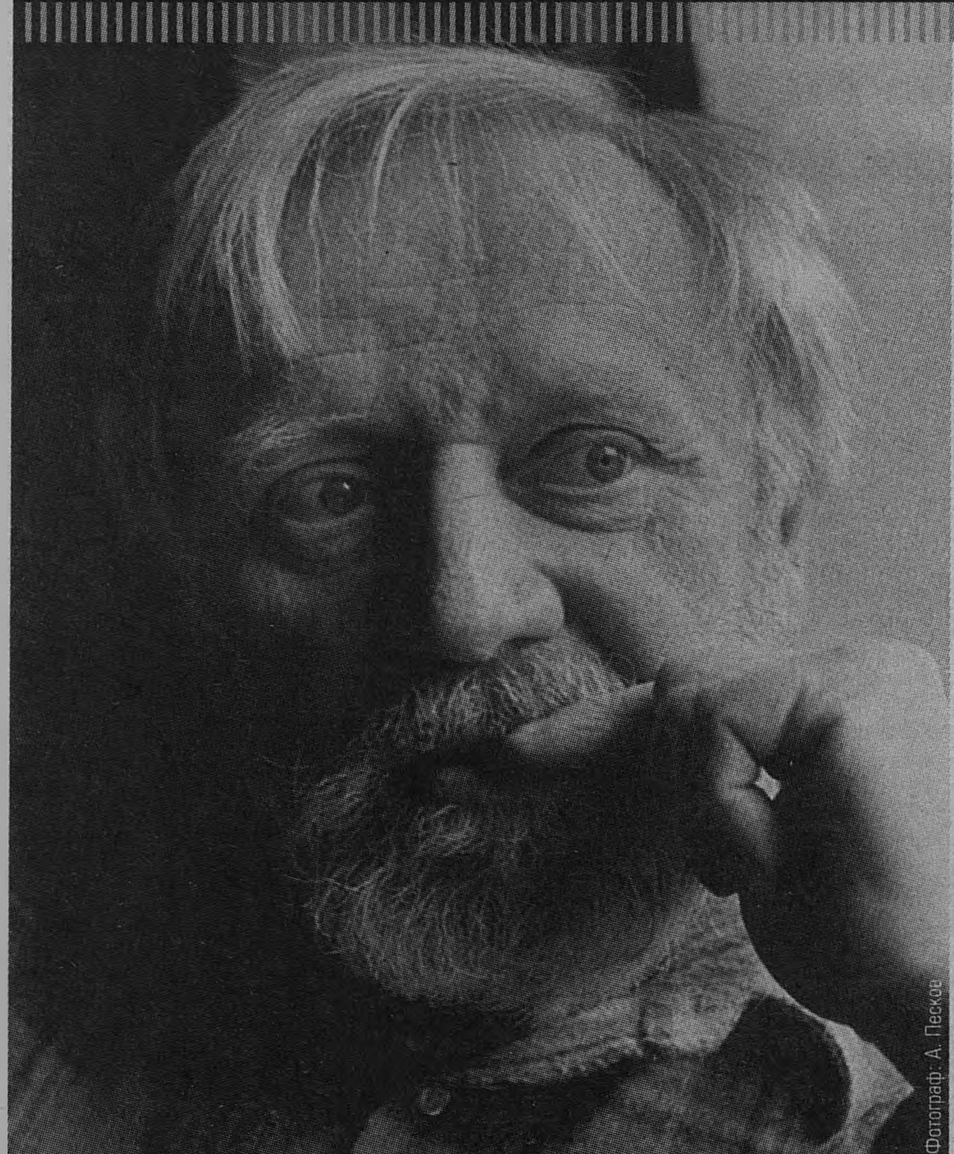
гость из будущего

к 70-летию Кира Булычева



Фотограф: А. Песков

другое детство

Этот неоконченный роман был последним произведением, над которым работал Кир Булычев. Здесь — самое его начало.

Я родился на Чистых прудах, и первым моим воспоминанием, которого я не помню, должны быть похороны Кирова. Мама говорила, что меня завернули в красное одеяло и вынесли на Мясницкую. По Мясницкой несли гроб убитого вождя, видно, с вокзала, а Сталин шел впереди, среди своих соратников. Но, повторяю, я его не запомнил, потому что мне не исполнилось еще двух месяцев. Сталин, конечно, меня не заметил. Хотя, может быть, краем глаза и глянул на красное одеяло.

В следующий раз я увидел Сталина на ноябрьских в 1945 году, сразу после войны. Отец, который с нами не жил, но мое существование признавал, повел меня на парад. Мы с ним стояли сбоку от Мавзолея, но не очень далеко, потому что папа был почти наркомом. Мне было хорошо видно, как наши вожди поднимались на трибуну и выстраивались в шеренгу, лицом к барьеру, спиной к красной надписи «Ленин». Потом я стал смотреть на танки и самолеты, которые, по три штуки в звене, пролетали над площадью, от Исторического музея к собору Василия Блаженного. Все махали им руками. Я тогда спросил папу, возьмет ли он меня на следующий парад, и он обещал взять.

В тот год мы с Сашей Сулимой увлекались игрой в солдатики. Наверное, в пятом классе поздно играть в солдатики, но наши солдатики были особенными. Отдельно надо было вырезать из трехслойной фанеры туловище с головой, а отдельно — руки и ноги, которые крепились к туловищу проволочками. Так, чтобы они двигались. Если такого солдатика поставить на стол, он не падал. А когда передвигаешь ноги, он шагает. Размером такой солдатик — с перочинный ножик. Солдатики, конечно, отличались друг от друга, у каждого было имя и характер. Но самым интересным было изготавливать для них оружие. Ружья и сабли вырезали из олова или свинца. Почему-то у нас было много патронов от мелкашки, и в классе шла широкая торговля порохом и свинцом. Люди, лишенные воображения, просто набивали гильзу порохом, привязывали к шнуру, а к другому его концу крепили гвоздь. Гвоздь вставляли острым концом в гильзу, а потом брались за середину шнурка и били с размаху по стенке шляпкой. Получался «бах». Другой пиротехники мы не знали. Саша делал солдатиков лучше всех.

С вечера мы договорились поменяться. Саша отдаст мне генерала О'Генри, а я ему пушку на свинцовом лафете, сделанную из винтовочной гильзы. Обмен устраивал обе стороны.

Дело было на весенних каникулах, а может, в воскресенье — не помню. Но помню, что выспался и пошел к Сашке часов в девять. Утро было морозным, мартовским, а снег ослепительным на солнце и синим в тени. У меня были новые ботинки, и я проверял их на непромокаемость. Для этого пришлось нарочно идти по лужам. Вода залилась сверху, я зачерпнул ботинком, и поэтому не узнал, промокают они или нет.

Сулима жил на третьем этаже, на самом Голевском бульваре, дом был некогда зажиточным, красивым, но пришел в запустение. Лестницу, наверное, не красили с революции, и кое-где краска осыпалась, а в других местах она отвисала лоскутами.

Я беспокоился, не передумал ли Саша. Ведь прошла целая ночь.

К Сулимам было три звонка.

Открыла Лариса Петровна, мать Саши. Отец у него погиб на фронте, еще давно, в начале войны. Так что мы его не помнили.

— Ты чего так рано? — спросила она.

В коридоре пахло кухней и уборной. Коридор был длинный. С обеих сторон в него выходили двери комнат, а уборная замыкала коридор.

— Совсем не рано, — возразил я. — Уже девять часов.

Я не хотел быть невежливым, но я знал, что обычно Лариса уходила на работу в восемь или даже полвосьмого, ей ехать далеко, с пересадками.

Коридор был не очень узким, но темным, и потолок был высоко.

Вдоль всего коридора, наверху, под потолком, висели велосипеды. Трудно поверить, но все эти велосипеды принадлежали одному человеку, бывшему чемпиону Москвы по шоссейным гонкам Никите Прузу по прозвищу Лаперуз. Он еще до войны оставил спорт, но с велосипедами расстаться не смог. Вот они и висели. Порой какой-нибудь велосипед, устав висеть, срывался, с грохотом падал на пол и катился своим ходом к входной двери или к уборной. Силикатная выскакивала из комнаты и начинала кричать, что она перепугана до смерти. Я уже года три ходил к Саше Сулиме и знал жильцов его квартиры и даже их отношения. Сам я жил в небольшой квартире, из трех комнат. Две были наши, а в третьей жил папин заместитель дядя Саша Соколов. Потом, когда его арестовали, в его комнате стал жить завхоз из МГБ Борис и его жена, толстая Катерина. Они часто ссорились с мамой и грозились ее посадить, а нас с Наташкой отдать в детдом. Раньше, до того как папа ушел к тете Гале и стал почти наркомом, вся эта квартира принадлежала ему. Но всю ее нам он оставить не мог — кто бы разрешил нам втроем жить в отдельной квартире? Если бы мамин второй муж и мой отчим дядя Яша не погиб на фронте, все могло быть иначе. Дядя Яша стал бы академиком, и у нас была бы отдельная квартира. Но он погиб буквально в последний день войны.

Лариса Петровна пошла впереди.

Я видел, что она недовольна моим приходом. Это видно было по ее спине.

Но я был не виноват, мы еще вчера договорились.

Сашка завтракал. Он ел котлеты с картошкой. Я сглотнул слюну. У нас дома мяса не было, и утром мы с Наташкой ели овсянку. Я ее и тогда не любил, и сейчас не выношу.

— Я уж решил, что ты передумал, — сказал Сулима.

Я довольно высокий, но Сашка выше меня на пять сантиметров. Он третий в классе по росту.

Пушка была завернута в газету, я поставил ее на стол.

— Ты потише, — сказал Сашка, — там спят.

Он показал на ширму.

Шерлок Холмс

Это фрагмент из первой главы неосуществленной книги «Рассказы о великих людях» — книги заведомо лживой, как утверждал сам автор.

На доктора Ватсона произвела впечатление еще одна встреча.

Шерлок Холмс остановил на улице мужчину средних лет и сказал ему:

— Признайтесь, что вы служили в полку Королевских стрелков на Барбадосе, где пристрастились к кокаину и потеряли ступню правой ноги.

Мужчина смертельно побледнел.

— О, нет! Только не это! — воскликнул он и быстрыми шагами убежал прочь.

— Как вы догадались, Холмс? — спросил Ватсон.

— Очень просто, — усмехнулся сыщик. — Этот человек вытирал пот с лица фуражкой, и мне удалось прочесть на ее подкладке две буквы «Ко». Это указывает на его службу в Королевских стрелках. А, как известно, этот полк стоял на Барбадосе. В беседе со мной в конце каждой фразы этот человек произносил слово «моргай». Вы заметили, Ватсон?

— И очень удивился этому.

— А я не удивился! Это слово указывает на редкую болезнь глаз, происходящую от тропического солнца. Больные часто моргают и повторяют слово «блинк», что значит по-английски — «моргай!»

— Как же я мог не догадаться! Но вы упомянули о пристрастии к кокаину…

— Это так просто, Ватсон! Человек, служивший на Барбадосе, не мог не пристраститься к кокаину.

— Гениально! Но ступня…

— Вы заметили, что он хромает на правую ногу?

— Разумеется.

— А известно ли вам, что Барбадосские кайманы, нападая, откусывают жертве ступню? Об этом писали в последнем номере журнала «Тропикал Нейчур».

Сыщик Холмс и потрясенный доктор Ватсон долго еще смотрели вслед мужчине.

А Иван Сергеевич завернул на Стренд, напялил фуражку, купленную по случаю в Конотопе, потом остановился, вытряс камешек из правого ботинка и произнес:

— Ну этот сыщик, блин! Сечет, пронзает буквально, блин!

миниатюры

Эти небольшие тексты создавались в начале 1960-х: их аудитория ограничивалась кругом друзей и близких писателя. Они же — герои этих парадоксальных рассказов.

Было два часа ночи, и шел мокрый снег. В конце Лаврушинского переулка мы увидели за прутьями ограды человека в белом. Он лежал, уткнувшись головой в лужу. Босые пятки посинели. У человека были большие крылья и легкое сияние вокруг головы. Одно крыло было сломано, и перья висели на черных сучьях лип.

— Посмотри, ангел упал, — сказал Женя.

— Он мертвый, — сказал я.

Женщины прошли вперед. Им не хотелось смотреть на мертвого.

***

Жил-был бык. Он был дальтоником и бросался на зеленое. Когда пришла весна, он вытоптал зеленые насаждения на Ленинском проспекте.

Чтобы успокоить быка, садовники прикрывали липы красными знаменами.

***

После парада по городу разъезжали ракеты и бронетранспортеры, увешанные детскими воздушными шариками и убранные живыми цветами. Офицеры в джипах сажали себе на колени детей. Было весело. Потом радисты получили приказ, закрылись люки танков, офицеры осторожно высадили из джипов детей, и колонны развернулись на толпу.

***

Утром, когда я шел в ванную, я увидел на полу в коридоре свежий помет крокодила. Помет был еще теплым на ощупь. Я пошел по следам. Следы привели меня на кухню. В кухне крокодила не оказалось, но у плиты стоял высокий стройный человека в бирюзовом ментике ингерманландских гусар и жарил яичницу.

Он меня и съел.

***

Такая нелепая смерть. Попасть под машину среди
бела дня.

— Печальный случай.

— Он был так молод.

— И многое обещал.

— Знаешь, я хотела уйти к нему. Бросить тебя и уйти.

— Я знал.

— Ну ладно, нам пора.

— А он останется лежать здесь?

— А что мы можем поделать?

Они улетели, а третий воробей остался лежать посреди мостовой серой кучкой перьев.

***

Я долго стоял перед памятником Грибоедову у Кировских ворот. Как живой, думал я, поддаваясь обаянию реалистического искусства. Как живой.

Памятник вздохнул и сказал:

— Ты меня разгадал.

И сошел с пьедестала.

Начало 1960-х годов. Кир Булычев (второй справа) в Бирме с местными жителями

парсеки за кормой

научно-фантастический роман (фрагмент)

Эта пародия на советскую фантастику относится к раннему периоду творчества Кира Булычева; публиковать в те годы его отказались, мотивировав тем, что любые насмешки над Иваном Ефремовым — «даже в завуалированной форме» — неэтичны.

Глава 1. Таинственная находка

В далеком будущем, когда наука достигла своих вершин, а остальные проблемы разрешены, молодой талантливый ученый Дир Иванов идет по берегу моря в сопровождении своего друга, биоробота Энерга. Энерг спрашивает Дира, как ему понять чувство любви, которое охватывает людей, но недоступно биороботам. Дир отвечает, что чувство любви лишь мешает людям концентрироваться для достижения своей цели. Внезапно небо пронзает след метеорита, который падает на песок в нескольких шагах от спутников. На метеорите Дир и Энерг видят загадочные буквы.

Глава 2. Беседа с учителем

Дир и Энерг опускаются на флаере перед элегантным домом академика Дидалова, крупнейшего специалиста по разгадыванию следов инопланетных цивилизаций. Академик — старый учитель Дира, в задушевных беседах с которым юноша познавал тайны мира и мечтал уйти в далекий космос. При виде метеорита академик полагает, что на нем изображены письмена неразгаданной космической цивилизации, и по траектории метеорита вычисляет, что тот упал со звезды Эпсилат. Академик предлагает заложить метеорит в вычислительный мозг «Эврика-12». В этот момент в комнату входит прекрасная спортсменка с теннисной ракеткой в руке. Это внучка академика Тина, которая только что вернулась с практики на подводной океанической станции в Тускароре. При виде метеорита Тина вспоминает, что видела подобные письмена в океане на глубине восемь километров.

Глава 3. Разгадка ведет к загадке

Дир Иванов и Энерг гуляют с Тиной по берегу океана. Тина высказывает предположения о высоком уровне развития цивилизации на звезде Эпсилат. Внезапно она сбрасывает верхнюю одежду и бросается в теплые волны спокойного моря. Дир следует за ней, и они плывут навстречу заходящему солнцу. Грустный Энерг остается на берегу. Когда усталые, но довольные молодые люди возвращаются на берег, с ними выходит на связь академик Дидалов, который сообщает, что «Эврика-12» расшифровала текст на метеорите. Текст гласит: «Требуется помощь, иначе погибнем». Однако не указаны координаты терпящих бедствие инопланетян. Охваченные радостью открытия и чувством зарождающейся любви, молодые люди садятся во флаер и спешат к академику Дидалову, где уже собрались некоторые ученые и космонавты для того, чтобы решить, куда посылать спасательную экспедицию.

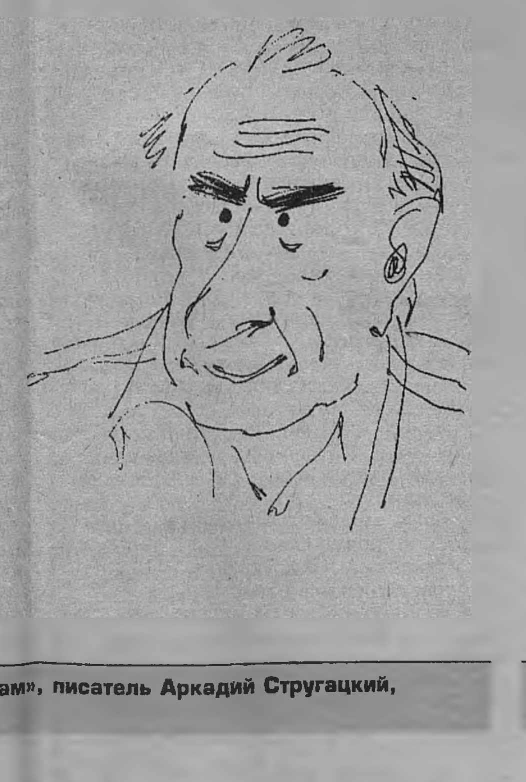
Глава 4. В бездне

Когда до дома академика остается несколько минут полета, Тина снова вспоминает о тех же письменах на глубине восемь километров. Может быть, именно в них заключена разгадка местонахождения инопланетян? Дир и Тина в сопровождении верного Энерга изменяют направление полета флаера и спешат на подводную станцию. Здесь их встречает старый друг Дира Бом Бим, специалист по подводной биологии. Он предупреждает гостей, что в окрестностях станции появился громадный кальмар, который нападает на батискафы. Но опасность не останавливает Дира и Тину.

На глубине восемь километров Дир и Тина покидают батискаф и в глубоководных скафандрах выходят наружу, чтобы отыскать и сфотографировать таинственную надпись. В этот момент огромная черная тень застилает все вокруг, и обитатель бездны хватает Тину в свои щупальца.

Глава 5. Помощь приходит вовремя

Не обращая внимания на смертельную опасность, Дир бросается на помощь Тине. Но Тина уговаривает его сначала сфотографировать надпись. Дир не подчиняется просьбе девушки и вступает в борьбу с кальмаром, несмотря на то что он вооружен только ножом. Кальмар тяжело ранен в борьбе с Диром и Тиной, но все-таки последними усилиями утягивает их в узкую трещину. Энерг принимает сигнал бедствия и выходит на поиски своих товарищей. Ему удается найти трещину, и он извлекает оттуда Дира и потерявшую сознание Тину и переносит их на своих сильных руках в батискаф. Пока Дир приводит девушку в чувство, обнаруживается, что громадный краб перекусил систему подъема батискафа и связь с поверхностью прервана. Воздуха осталось на полчаса. Положение узников бездны безнадежно, но Бом Бим успевает спустить запасной батискаф и на буксире вытащить попавших в беду товарищей наверх.



Рисунки Кира Булычева: режиссер Ричард Викторов, актриса Елена Метелкина на съемках фильма «Через тернии к звездам», писатель Аркадий Стругацкий, актер Сергей Плотников

Кир Булычев, увиденный глазами режиссера Игоря Масленникова

газета

открывший дорогу к звездам

Кир Булычев (он же Игорь Всеволодович Можейко) родился 18 октября 1934 года в Москве. В 1957-м окончил Педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Работал переводчиком и корреспондентом АПН в Бирме, корреспондентом в журнале «Вокруг света». В 1962-м окончил аспирантуру Института востоковедения АН СССР. С 1963 года работал в этом институте. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Паганское государство (XI—XIII века)», в 1981-м — докторскую диссертацию на тему «Буддийская сангха и государство в Бирме». В 1965 году начал писать фантастику, переводил на русский язык фантастические произведения американских писателей. Экранизировано более 20 произведений Кира Булычева. Он — лауреат Госпремии СССР 1982 года за сценарии к фильму «Через тернии к звездам» и мультфильму «Тайна третьей планеты». Лауреат премии фантастики «Аэлита-97». Умер после продолжительной болезни 5 сентября 2003 года в Москве.